
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

*Станислав Гусев*¹

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Аннотация. В статье выделяются четыре типа познавательных ориентаций, определяющих характер некоторых этапов в развитии познания. Обосновывается утверждение о том, что особенности каждого из этих этапов обуславливаются соотношением эмоциональных реакций людей на воздействия внешнего мира и рационального осмысления таких реакций.

Развитие абстрактного мышления способствовало изменениям в способах оформления человеческих знаний. От наглядно образных представлений об устройстве мира познание переходило к конструированию формальных моделей, создаваемых с помощью всевозможных знаковых систем.

Широкое распространение таких систем в различных сферах общественной жизни выявило ряд трудностей. Контексты создания передаваемых сообщений часто существенно отличались от контекстов их принятия и интерпретаций.

Предпринятый в связи с этим анализ коммуникативных процессов обнаружил неоднородный характер структуры передаваемых сообщений. Часть их содержания прямо представлена в используемых языковых формах, а часть лишь предполагается. Ее восприятие происходит при совпадении эмоциональных состояний всех участников коммуникации. В статье обсуждается концепция «молчаливого знания» М. Полани, а также рассматриваются попытки некоторых исследователей выразить «скрытую» информацию явным образом, используя формальные языки современной логики.

Но, так как сегодня одной из важнейших познавательных задач становится разработка проектов «возможного будущего», используемые формализмы должны содержательно интерпретироваться. Эффективность такой деятельности предполагает изучение различных форм взаимодействия эмоциональных и рациональных элементов психической жизни человека.

Ключевые слова: познавательная деятельность, образы мира, познавательная ориентация, возможные миры, коммуникация, слои человеческого знания, рациональное, эмоциональное.

¹*Гусев Станислав Сергеевич* — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.
Stanislav Gusev, Dr. habil., professor, Department of Philosophy, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.

Stanislav Gusev

THE EVOLUTION OF COGNITIVE ORIENTATIONS

Abstract. The article identifies four types of cognitive orientations that determine the nature of some stages in the development of cognition. I argue that the features of each of these stages are determined by the ratio of emotional reactions of people to external world stimuli and the rational understanding of such reactions.

The development of abstract thinking contributed to changes in the way human knowledge is formalized. From visually figurative ideas about the structure of the world, cognition moved on to the construction of formal models created with the help of all kinds of sign systems.

The widespread use of such systems in various spheres of public life has revealed a number of difficulties. The contexts of creating transmitted messages often differed significantly from the contexts of their reception and interpretation.

The analysis of communication processes undertaken in this regard reveals the heterogeneous nature of the structure of transmitted messages. Part of their content is directly presented in the linguistic forms in use, and some are only assumed. Its perception occurs when the emotional states of all communication participants coincide. The article discusses the concept of ‘tacit knowledge’ by M. Polanyi, and also examines the attempts of some researchers to express ‘hidden’ information explicitly, using the formal languages of modern logic.

But since today one of the most important cognitive tasks is the development of projects for a ‘possible future’, the formalisms must be meaningfully interpreted. In order for such an enterprise to be efficient, the study of various forms of interaction between emotional and rational elements of a human mental life is required.

Keywords: cognitive activity, images of the world, cognitive orientation, possible worlds, communication, layers of human knowledge, rational, emotional.

Для цитирования: Гусев С. С. Эволюция познавательных ориентаций // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 2. С. 89–103. DOI: 10.52119/LPHS.2022.99.33.006.

Различные формы познавательной деятельности так или иначе реализуются во всех видах человеческого взаимодействия с окружающим миром. Осознаваясь с различной степенью ясности, они существенно определяют сам характер этого взаимодействия. И если на ранних стадиях человеческой истории их проявление носило неявный характер, то усложнение общественной жизни, становление ее различных уровней и видов обусловило повышение значимости познавательных процессов и, как следствие, рост внимания людей к изучению их природы и структуры. На протяжении всех этапов развития общества такое внимание постоянно усиливалось и разветвлялось. Особое значение эти темы приобрели вместе с оформлением такого специализированного вида познавательной деятельности, как *наука*. Интерес к условиям ее возникновения и развития способствовал осознанию того, что в разные периоды формировались некие общие для каждого

отдельного этапа *целевые ориентации*, определяющие специфический характер всей познавательной деятельности этого времени.

Изначально познавательный интерес людей к окружающему миру не был специально выделен, вплетаясь в общий комплекс коллективного взаимодействия с природной средой. Инстинктивно осознавая свое существование, древний человек создавал какие-то представления о предметах и явлениях, с которыми он сталкивался в процессе своей жизнедеятельности. А поскольку осуществляемые действия долгое время отождествлялись с теми фрагментами действительности, на которые они были направлены, постольку основой подобных представлений оказывались эмоциональные переживания, испытываемые людьми при их взаимодействии с природной средой. Одинаковый характер эмоций, возникавших у всех членов древнего сообщества в определенных жизненных ситуациях, обеспечивал организационное единство этого коллектива. Следы таких переживаний закреплялись в общей памяти в виде определенной системы *образов реальности*, составляющих содержание человеческих знаний об окружающей действительности. Их особенности существенно определяются общей психофизиологической природой всех людей. (Возможно, структурное сходство древних мифологических систем, созданных носителями разных культур, обусловлено именно этим.)

Чем более упорядоченным оказывался комплекс фундаментальных представлений о реальности, тем успешней решалась задача выживания его носителей. Поэтому основной целью познавательных процессов древности стало создание вообразимых элементов (стихий, атомов и т. д.), составлявших единую структуру мироздания, в которой отдельные фрагменты обуславливали друг друга. Стремление носителей мифологического сознания конструировать наглядное изображение системы представлений об устройстве мира выражало **формообразующую ориентацию познавательной деятельности**. Во многом такая ориентация носила стихийный характер, но она существенно повлияла на становление первых вариантов философских систем, создаваемых древними мыслителями. Довольно быстро люди стали осознавать, что некоторые образы выражают ощущение удовлетворения жизнью, тогда как другие связаны с чувствами беспокойства и тревоги. Поэтому возникла потребность в воспроизведении условий, обеспечивающих появление положительных эмоций и блокирующих переживания нежелательные. Но не всегда оказывалось возможным добиваться желаемого в реальной действительности. Поэтому постепенно сформировался комплекс ритуально-магических действий, с помощью которых желаемые переживания достигались в особой *вообразимой* реальности, недоступной для непосредственного чувственного восприятия. Различные обряды, проводимые жрецами и шаманами, сопровождалось созданием всевозможных знаковых средств, «замещавших» и постепенно вытесняющих некоторые формы практического взаимодействия людей с их природным окружением.

Зависимость успешности повседневной жизни от влияния вообразимого «неви-

димого мира» способствовала формированию абстрактного рационального мышления, которое стало оперировать уже не наглядными образами действительности, а специально создаваемыми знаковыми конструкциями, позволяющими представлять объекты, даже не существующие в предметной реальности. В качестве знаков использовались обычные реальные вещи, воспринимавшиеся в качестве средств указания на сущности, контакт с которыми по каким-то причинам оказывался невозможным. В результате менялись и основные формы представления знаний. Содержащаяся в них информация все больше утрачивала образную наглядность, превращаясь во всевозможные формальные инструкции, регулирующие стандартный набор практических процедур. Например, различного рода хозяйственные операции, связанные с подсчетами и расчетами, оказалось удобнее фиксировать с помощью сочетаний таких специальных знаков как цифры. Компактной и легко воспринимаемой передаче всевозможных сведений, организующих процессы общественной жизни, способствовало изобретение буквенного письма, заменившего рисуночное.

Эмоциональная основа восприятия людьми средств, используемых для выражения и передачи производимых знаний, постепенно отходила на второй план и переставала играть определяющую роль. Хотя ее влияние, пусть и не всегда осмысливаемое, продолжает ощущаться до сих пор. В практике многих народов одинаковое число, получаемое при одновременном пересчете объектов разной природы (например, людей и лодок), часто и сегодня выражается различными цифрами. Известно, что нивхи используют различные числовые обозначения для плоских и круглых, длинных и коротких предметов. До сих пор сохранилось и восприятие некоторых цифр как «счастливых» или «несчастливых». В частности, в Японии нет домов под номером 4, так как слово, обозначающее эту цифру, в японском языке созвучно слову «смерть». Аналогичное отношение к числу 13 во многих современных культурах. Тем не менее, все большее распространение получали знаковые конструкции, никак не связанные с наглядными образами ситуаций, в которых они используются.

Растущая роль всевозможных формальных знаковых систем в человеческой деятельности определила их широкое применение и в организации познавательных процедур. Это обусловило представление о сущности познавательных процессов как о фиксации и знаковом выражении интенсивности воздействий явлений окружающей среды на органы чувств человека. В конце концов сложилось убеждение о том, что любое взаимодействие людей с окружающей действительностью можно представить в виде *объектно-субъектной* схемы. Такой взгляд длительное время определял организацию различных видов человеческой практики. При этом «объект» поначалу характеризовался как всегда активное начало, противостоящее субъекту, а сам «субъект» рассматривался в качестве точки приложения этой активности. Однако постепенно обнаружилось, что конкретно-исторические формы реализации данной схемы связаны с тем, что в разных культурах действу-

ют различающиеся представления как о сущности «субъекта» и «объекта», так и о динамике отношений между ними.

Например, в древней философии (а затем и в первых вариантах классической науки) главной познавательной задачей считалось создание целостного «образа» или «картины» мира, частью которого человек себя осознавал. В соответствии с этим «объект» понимался как источник разнообразной информации, которую познающий субъект «считывает» с тех явлений, в которых обнаруживается сущностное содержание мира. Поэтому усилия мыслителей, целенаправленно создававших первые системы мирового устройства, были ориентированы на возможно полные описания устройства изучаемых объектов. Детальными такими описаниями поначалу становились воображаемые сущности («вода» Фалеса, «огонь» Гераклита, «атомы» Демокрита и т. д.). Они создавались по аналогии с непосредственно воспринимаемыми фрагментами окружающей действительности. Позднее основой конструируемых описаний стали *ощущения человека*, возникающие у него при контакте с изучаемыми объектами. Уверенность в истинности этих описаний базировалась на убеждении в том, что организованные определенным образом ощущения людей соответствует тем свойствам реальности, которые существуют в ней, независимо от познающего человека.

При таком подходе «субъект» характеризовался как индивид, лишь фиксирующий свои рефлекторные реакции на внешнее воздействие. Однако достаточно быстро стало ясно, что подобный взгляд на роль человека в познавательных актах слишком упрощен. Ведь индивид не только накапливает «впечатления» от внешних воздействий, но и осознает их специфику, выбирает соответствующую ответную реакцию (см., например, Пшибышевский 1909). К тому же господствующие в психологии того времени представления об *универсальном* характере формирования «впечатлений» также оказались слишком схематичными. Знакомство обитателей «Старого Света» с множеством «экзотических» культур привело к обнаружению таких образов мира, которые существенно отличались от привычных для европейцев. Достаточно сходные условия существования разных сообществ не обеспечивают одинаковости эмоциональных реакций, возникающих у носителей различных культурных традиций, поскольку эти традиции обуславливают разные формы реагирования на воздействия внешних факторов. Но в любом сообществе коллективная память людей обычно закрепляет впечатления от таких ситуаций, которые вызывают максимально яркие эмоциональные переживания.

Устойчивое использование всевозможных знаков для выражения этих переживаний способствовало становлению форм рационального мышления, что вело к замене наглядных представлений о действительности новыми способами организации знания. *Образы превращались в абстрактные понятия* (см. Фрейденберг 1978: 50). Применение подобных абстракций создавало некое общее пространство рассуждений, в котором выстаивались описания окружающего мира, нивелирующее субъективный характер эмоциональных переживаний. Ритуалы, связанные с

активным стимулированием у всех членов коллектива общих эмоциональных состояний, сменялись формальными *правилами поведения*, «автоматически» обеспечивающими выполнение необходимых в каждой определенной ситуации действий. Средства рационального мышления позволили выстраивать систему знаний о мире, уже не так жестко ориентированную на прямое соответствие комплексу чувственных впечатлений, получаемых человеком в каждой секундной ситуации. Создание системы понятий позволило разделить все предметы и явления действительности на классы, в основе каждого из которых лежит набор существенных признаков, присущих любому элементу данного класса.

В результате оказалось возможным не только организовать имеющиеся сведения о мире в максимально компактной форме, но и достаточно явно выделить связи между знаками, отображающие отношения объектов действительности. От ориентации на создание образов реальности познание переходило к построению «идеальных» моделей, различавшихся своими конструктивными особенностями (Пржиленский 2011). В таких моделях значения знаков, составляющих их содержание, существенно определяются не эмпирическими сущностями, которые эти знаки замещают, а их местом в структуре соответствующей системы, связями с другими знаками той же системы. При создании и использовании формализованной модели ее существенным признаком становился сам *способ ее организации*. Именно его восприятие стало вызывать эмоциональные переживания.

Новый тип эмоций формировался под сильным влиянием средств рационального мышления. Этому способствовал и рост значимости всевозможных механических устройств, использование которых все больше отделяло людей от непосредственного взаимодействия с природной средой. Поскольку обнаружилось, что эффективность функционирования технической конструкции зависит от степени организованности ее структуры, создатели всевозможных машин особое внимание уделяли способам и средствам, обеспечивающим наибольшую согласованность деталей, из которых машины состояли. В результате «искусственная» среда стала вызывать более сильные эмоциональные впечатления, чем естественная. Да и в самой природе познающие люди попытались найти «внутренние особенности ее устройства». Особенно наглядно такой подход проявился в европейском искусстве на рубеже XIX и XX веков. Многие художники этого периода старались «разложить» образы предметов действительности на их составляющие «формальные элементы» и создавать из них новые комбинации. В научном познании такая тенденция проявлялась не столь наглядно, но и здесь эстетическое восприятие играло роль критерия, влияющего на выбор способа организации производимых знаний. Предпочтение отдавали такой гипотезе или формуле, которая воспринималась как «изящная», «красивая» и т. д.

Широкое распространение в познавательной деятельности знаковых конструкций выдвинуло на первый план вопрос о том, каким образом исследователи получают исходные данные о действительности, отображающейся в конструкции

формальной модели. Стало вызывать сомнения то, что непосредственные эмоциональные переживания воздействий объектов окружающего мира на человеческие чувства являются единственным источником знаний. Исследователи начали осознавать, что характер производимых знаний определяется не только организацией практических форм взаимодействия человека с интересующими его объектами окружающей среды, но и характером мыслительных приемов, с помощью которых создаются обобщенные представления о характере получаемых эмпирических данных. Познавательный интерес распределился по двум направлениям: изучение форм эмпирического исследования и анализ методов, используемых для конструирования теоретических систем.

Подобная смена познавательной цели выражала переход от формообразующей ориентации к «методологической». Данная ориентация начала проявляться еще в XVII веке, вместе с созданием новых философских программ — «эмпиризма» и «рационализма». В их основе лежали представления о том, что внимание познающего субъекта направлено не прямо на предметную реальность, а на те действия, которые позволяют выделять в ней свойства, оцениваемые исследователем как *существенные, значащие*. Поэтому одной из важнейших познавательных задач стал анализ специальных приемов и операций, с помощью которых познающий человек организует процессы «извлечения» информации об окружающей действительности из потока явлений, с которыми имеет дело в своих практических действиях. Тем самым система знаний об окружающем мире переставала быть однородной, распадаясь на область *знаний об изучаемых фрагментах реального мира и знаний о методах получения знаний об этих фрагментах*. Увеличение интервала между первой и второй областями обусловило появление еще одного познавательного уровня, связанного с выявлением и изучением *связей* этих областей. Так возникла особая сфера познания — «философия науки».

Первые ее варианты выражали стремление сохранить доверие к чувствам как фундаментальной основе всей системы знаний. В связи с этим теоретическим построениям отводилась роль вспомогательных средств оформления данных, получаемых в ходе наблюдений или экспериментов с объектами, существующими независимо от человека. Только теперь за источник чувственных впечатлений принимались не сами фрагменты действительности, а показания всевозможных приборов, фиксирующих характеристики, выделяемые в изучаемых объектах познающим человеком. Правда, при этом возникали трудности в трактовке сущностной природы самих этих приборов. С одной стороны, будучи материальными предметами, они должны восприниматься в качестве элементов объективной реальности, с другой приборы являются результатом предметных действий людей, то есть определяются субъективными факторами. Возникшие вокруг этой темы дискуссии свидетельствовали о том, что одни и те же термины можно использовать в разных смыслах и значениях.

Стараясь избавиться от возникающих методологических трудностей, предста-

вители «логического эмпиризма» (течения, распространившегося в первой половине XX века) стали считать «знанием» лишь такие представления о реальности, которые оформлены в «точном» языке и обеспечивают однозначную интерпретацию всех используемых высказываний о состоянии дел в мире. Они предложили программу «очищения» естественного языка от содержащихся в нем семантических неясностей и видели свою цель в создании «идеального языка науки». С его помощью, надеялись они, специалист, производящий новое знание, сможет передавать возникающие у него при этом впечатления другому специалисту так, чтобы стимулировать возникновение у того сходных впечатлений. Для достижения этой цели предлагалось использовать так называемые «протокольные высказывания», однозначно описывающие конкретные условия и методы эмпирического исследования. Таким образом, сохранялась установка на оценку эмпирического познания в качестве единственного источника надежных знаний об окружающей действительности (см. Шлик 1993: 34). Наиболее радикально настроенные исследователи предпринимали попытки вообще устранить теоретические описания из научной практики.

Подобные попытки позволили получить важные технические результаты логического характера, однако поставленная задача решена не была. Пришлось признать, что знания, выраженные средствами теоретического языка, содержат некую информацию, не фиксируемую эмпирическим образом. Стало ясно, что этот тип языка выражает знание о таких сторонах и свойствах изучаемых объектов, которые не проявляются в чувственно воспринимаемых формах. Из этого следовало, что языки эмпирии и теории принадлежат к разным типам и равно необходимы. Осознание данного обстоятельства привело к тому, что познавательный интерес стал смещаться *от анализа способов получения знаний к анализу способов оформления получаемых результатов*. Интерес к изучению структур различного типа языков, к взаимоотношениям «старого» и «нового» знаний, к способам их обоснования — выражал появление *новой познавательной ориентации, получившей название «лингвистический поворот»*. Такой поворот свидетельствовал о меняющемся отношении людей к роли теоретических средств познавательной деятельности.

Зависимость содержания получаемых исследователем результатов от способа их представления в структуре знания привела к пониманию того, что вместе со сменой типа языка, используемого для описания объектов исследования, необходимо менять и представления о фундаментальной сущности этих объектов. Широкое значение этого методологического требования было осознано не сразу. «Принцип дополнительности» Н. Бора (выражавший необходимость связывать получаемые результаты исследования с «надлежащим выбором» исходных определений) поначалу относился лишь к практике физического исследования. Но довольно быстро сам его автор осознал важность этого принципа и для гуманитарного познания (см. Бор 1971: 286–287). Традиционное представление о том, что познающий че-

ловек изучает «внешний» мир, наблюдая его «со стороны», себя исчерпало. Стало ясно, что люди не только фиксируют изменения, происходящие вокруг них, но и являются источником достаточно большого числа таких изменений. Следовательно, потребовалось создание средств и способов, позволяющих контролировать действия людей, оказывающие «возмущающее» действие на окружающий мир.

На этой стадии производимое знание все больше начинает восприниматься не как простое описание существующего «состояния мира», а как *программа коллективных действий, направленных на изменение этого состояния в соответствии с потребностями и целями самих людей*. Для того чтобы такая программа эффективно реализовывалась, необходимо обеспечивать надежную трансляцию соответствующих знаний между всеми членами действующего сообщества. Это тем более важно, что организация большой массы людей, занятых решением общей задачи, обычно предполагает разделение такой массы на *адресантов*, производящих информацию, и *адресатов*, получающих ее. И успешное взаимодействие этих групп существенно определяется степенью соответствия их взаимных интерпретаций пересылаемых и получаемых сообщений. Достижение такого соответствия предполагает осуществление специальных усилий, поскольку контексты создания новой информации часто существенно отличаются от тех, в которых происходит ее усвоение.

Ученый, передающий коллегам полученные им новые результаты исследований, должен подбирать такую форму сообщения, которая могла бы вызвать ответную реакцию собеседников, совпадающую с его ожиданиями. В свою очередь его адресаты, осваивая полученную информацию, должны раскрыть для себя ее содержание, а также выявить цель, для достижения которой сообщение передано. Очевидно, что достичь взаимопонимания участники коммуникативного действия могут лишь на основе достаточно сходных правил оценки, как значения содержания транслируемых текстов, так и адекватности способов и условий их представления. Подобные правила чаще всего не выражены достаточно явно и однозначно, что порождает всевозможные трудности. Их преодоление обусловило создание особых познавательных программ, связанных с выявлением скрытых предпосылок, определяющих эффективность коммуникативного действия.

Изучение языковых средств и форм, с помощью которых осуществляется межличностное общение, привело к пониманию того, что значительная часть используемой информации передается от человека к человеку вне прямого речевого (или письменного) взаимодействия. Усвоение «скрытого» содержания языковых конструкций осуществляется во многом посредством эмоциональных переживаний, так или иначе сопровождающих коллективную жизнь людей. На это обратили внимание многие исследователи, усомнившиеся в абсолютизации рационального мышления как единственно возможного средства познания. В частности, М. Полани в своей книге, вышедшей в 1958 году в Англии, обосновывал утверждение о том, что неявное («молчаливое») знание базируется на «врожденной чувстви-

тельности» людей, осмысливающих свои действия в окружающем их мире (см. Полани 1985: 141).

Он считал, что любое утверждение о каких-либо фактах содержит стремление автора выразить свое эмоциональное отношение к содержанию утверждения (хотя бы убеждение в полноте и истинности знаний о том, что утверждается). Подобные соображения проявлялись и раньше. Еще основатель баденской ветви неокантианской философии В. Видельбанд призывал обратить внимание на то, что в любом утверждении о каком-то «состоянии дел в мире» необходимо различать как минимум два содержательных слоя: «фактологический», описывающий это состояние, и «оценочный», выражающий явное или неявное отношение автора к тому, что описывается. Но «баденцы» видели свою задачу в обосновании особого статуса гуманитарного познания, поэтому идея выявления различных уровней языка науки имела для них вспомогательное значение и в то время не получила дальнейшего развития. Появление новой познавательной ориентации пробудило интерес к этой теме.

Уже в наше время попытку использовать средства логического анализа для выделения разных слоев человеческих знаний предпринял известный финский логик Я. Хинтиikka. Он предложил различать в содержании предложений, составляющих структуру знаний, уровни «поверхностной» и «глубинной информации». Первый уровень выражает непосредственные «утверждения о реальности». Эта информация воспринимается «напрямую», и ее освоение определяется способностью человека принимать передаваемый сигнал и осознавать его значение. Второй уровень содержит информацию, которую можно извлечь из принятых предложений, используя средства логического анализа. Одновременно, усваивая глубинную информацию, человек получает представление о той «концептуальной системе», с помощью которой оформляются утверждения о реальности (Хинтиikka 1980: 171, 220). Но уверенность в том, что такое представление является достаточно полным и обоснованным, никогда не будет вполне надежной.

Растущее убеждение в том, что рационально оформленные высказывания не могут полностью выразить всю полноту соответствующих им интеллектуальных актов, поставило под сомнение надежду на создание формально-логических процедур, позволяющих надежным образом выводить знание, скрытое в содержании исходных предпосылок. В упоминавшейся монографии М. Полани выделено несколько уровней «неявного знания», различным образом связанных с возможностью как-то представить их с помощью языковых конструкций. Содержание первого из этих уровней составляет область переживаний, которые только опосредованно (с помощью таких средств, как, например, языковые метафоры) могут частично выражаться в рационально оформленных коммуникативных актах. (Обоснованию важной роли эмоциональных оснований знания Полани посвятил целиком шестую главу своей монографии.)

Второй уровень составляют различные способы и формы рационального пред-

ставления получаемых знаний, альтернативные по отношению друг к другу. Каждая из таких форм может передать определенную часть имеющихся знаний, но ни один из вариантов не выражает всю их полноту. К тому же выбор какого-то одного из них не определяется четко заданной системой правил. Поэтому всегда остается часть содержания знаний, не получающая явного выражения в используемом языке. Утверждая, что человек знает больше, чем осознает, Полани уподобляет «явное» знание вершине айсберга, большая часть которого скрыта под водой. Поскольку «скрытое основание» определяется эмоциональными переживаниями людей, а их характер, в свою очередь, задан особенностями культурного фона (выражаемого в том числе и языковыми характеристиками), на котором осуществляется их жизнедеятельность, постольку носители разных культурных традиций создают разные варианты представлений об окружающем мире.

В этом случае, казалось бы, познавательная деятельность может создавать лишь локальные «образы мира» и распадаться на ряд фрагментов, не связанных друг с другом. Такая точка зрения, выраженная известной «гипотезой Сепира — Уорфа», абсолютизировала «внешние» формы языкового выражения человеческих переживаний, возникающих при воздействии со стороны окружающего мира. Однако глубинные основы психофизиологической природы человека проявляются не только в эмоциональных реакциях, но и в формировании абстрактного мышления. Правила, определяющие структуру логических операций, возникали на уровне «наднациональной» культуры. И выраженные средствами формализованного языка они также могут входить в слой неявного знания особым образом. Этот слой Полани относит к третьему уровню, характеризуя его как совокупность «символических операций», не получивших содержательной интерпретации, хотя и применяемых в интеллектуальных действиях. По его мнению, такие структуры «антиципируют новые формы мышления», так как человеческое мышление формирует смыслы, еще не получившие языкового выражения (Полани 1985: 128).

Исходя из этого, можно предположить, что грань между эмоциональной и рациональной составляющими человеческой психики не так уж абсолютна. В самом деле, и та, и другая меняются в процессе развития познавательной деятельности, влияя друг на друга. Как уже отмечалось, воспринимая вещественные и интеллектуальные конструкции, создаваемые человеческими действиями, люди оценивают степень их структурной упорядоченности, используя формальные критерии «красоты». Понятно, что такие критерии возникают под воздействием рационального мышления. Но и функционирование этого уровня психической жизни не ограничивается исключительно созданием однозначно заданных правил. Одно дело знать такие правила и выполнять их, другое — искать обоснование правомерности именно таких правил (см. о разных типах рациональности Смит 2008: 431–434). Подобный поиск неизбежно направляется и эмоциональными переживаниями.

В последнее время растет убеждение в том, что использования традиционных методов дедуктивной логики явно недостаточно для создания формальных моде-

лей процессов производства и передачи знаний. Заходит речь о «неформальной» логике, о «логике ситуационной» (см., например: Хвостова, Финн 1997). Сходные соображения высказывала И. Н. Грифцова (см. Грифцова 2017). Далеко не всегда удастся установить жесткую однозначную связь между постановкой цели (даже выраженной достаточно строгими языковыми средствами), программой действий, направленных на ее достижение, и оценками получаемых результатов. Формальные средства лишь частично соответствуют реальным процессам, в которых осуществляется человеческая жизнедеятельность.

Все это свидетельствует о том, что сегодня «знание» все больше воспринимается не как средство отображения в сознании *уже осуществленных людьми действий*, а как программа *возможных форм коллективного поведения*. Так как категория «возможность» характеризует ситуации, которые еще не осуществились, их описание не может быть достаточно полным. В данном случае дескрипция должна дополняться созданием предписаний, которые смогут регулировать действия, еще не произведенные. Поэтому так важно понимать характер условий и факторов, определяющих оценку возможностей конкретных действий и их результатов. Ведь поступки человека регулируются не только его желаниями и целями, но и нормами поведения, предписываемыми обществом, в котором он живет. Это предполагает необходимость учитывать возможные оценки осуществляемых им действий окружающими. С этим, например, Дж. Р. Серль связывает отличие человеческой рациональности от рациональности животных. По его мнению, люди стремятся поступать так, чтобы создавать условия для организации будущих действий (Серль 2004: 137–138).

Тем самым в сферу внимания познающего человека должно включаться не только описание ситуации, фиксируемой «здесь и сейчас», но и описание вариантов «возможного будущего». *Так формируется новый тип познавательной ориентации, которую можно охарактеризовать как «проективная ориентация».* Создание представлений о возможном будущем во многом определяет стратегию и тактику поведения человека в условиях, существующих «сиюминутно». Например, в процессе коммуникации автор передаваемого сообщения ожидает определенной реакции собеседников и заранее продумывает возможные формы дальнейших действий в зависимости от реального характера получаемого ответа. Успешность его тактики существенно зависит и от способности выявлять в ответных сообщениях собеседников предполагаемые элементы «неявного знания». Такие элементы необязательно осознаются самим отвечающим собеседником, но они скрыто влияют на весь ход коммуникативного взаимодействия. Самые простые по своей структуре предложения порождают множество возможных контекстов, определяющих различные ситуации их передачи и восприятия.

Допустим, человек, попавший в темное помещение и подозревающий присутствие в нем еще кого-то, задает вопрос «кто здесь?», на что следует ответ «я здесь сижу». В зависимости от ожиданий вопрошающего и намерений отвечаю-

щего данное предложение может выражать простую констатацию факта (я здесь сижу), а может указывать на пространственное положение отвечающего (я *здесь* сижу) или предполагаемое намерение отвечающего изменить ситуацию (я *здесь сижу, но сейчас встану*). Могут возникать и другие варианты возможных контекстов. Успешность конкретного коммуникативного действия существенно зависит от степени совпадения контекстуальных ожиданий каждого из участников этого процесса. Формирование общего контекста ожиданий предполагает использование какого-то алгоритма, позволяющего корректным образом выводить из формы «поверхностной информации» используемых предложений следствия, содержащиеся в их «глубинной информации». Однако формирование такого алгоритма на базе исключительно рационального мышления оказывается чрезвычайно затруднительным в силу наличия «скрытого знания» даже в формах выражения самой «поверхностной информации».

Тем более подобные затруднения возникают при передаче проектов *возможного будущего*, конструируемых в различных сферах познавательной деятельности *сегодня*. Из утверждений, фиксирующих реальное положение дел в мире на определенный конкретный момент времени, не удастся вывести *все возможные следствия*, используя правила логического вывода. Кроме того, на основе одного и того же набора исходных постулатов можно построить разные описания будущего, часто не совместимые друг с другом. Для преодоления возникающих трудностей исследователи стараются строить описания будущего в виде различных моделей «возможного мира». Особенно активно такие модели используются в современной логике. Как известно, логика имеет дело не с событиями, происходящими в «предметной» реальности, а с высказываниями об этих событиях. Поэтому «возможные миры», создаваемые средствами логики, определяют рамки некоторого «универсума рассуждений». В его содержание входит определенное множество предложений, относящихся к языкам различных уровней. «Нижний» этаж составляют атомарные предложения, фиксирующие состояние мира *в конкретный данный момент*. Выводимые из них возможные следствия составляют содержание «верхнего» (теоретического) этажа (см. Сидоренко 2002: 264).

Поскольку предложения «нижнего» этажа образуют «мир сиюминутного эмпирического описания», постольку сами по себе они не могут быть «проектами будущего». Такие проекты всегда имеют форму определенного прогноза. Поэтому «возможные миры» воспринимаются в качестве прогноза лишь при указании на условия, в которых прогноз может оказаться оправданным. Эти указания предполагают более-менее содержательную интерпретацию используемой модели, что неизбежно связано с необходимостью учитывать слой «неявного знания». Поэтому прогностические модели всегда имеют вероятностный характер. Ведь они строятся как экстраполяция обобщенных результатов *уже накопленного опыта* человеческой жизнедеятельности на ситуации, *которые еще не возникли*. В связи с этим проекты будущего прямо или косвенно описывают предполагаемые действия, на-

правленные на создание условий, обеспечивающих реализацию «желаемого варианта будущего».

Исследователи конструируют различные модели «возможных миров», и некоторые из них могут быть альтернативными по отношению друг к другу, что обуславливает необходимость выбора одной из альтернатив. Подобный выбор зависит от множества факторов, часть из которых определяется рациональными соображениями, а часть обусловлена эмоциональным состоянием человека. Поэтому возникла необходимость различать «возможные миры», представляющие описания «внешней» реальности, и «миры», отображающие многообразие душевных состояний людей. Человек может «знать», «верить», «желать» или «опасаться». И такие состояния порождают различные по своему характеру эмоции (Микешина 2016: 21). Выбор соответствующего варианта «возможного мира» будет различным в зависимости от доминирования «знания» или «веры». Некоторые исследователи считают ситуацию «выбора» одной из важнейших функций человеческого сознания (см., например, Менский 2015).

Человек принимает решение исходя из комплекса установок, сложившихся у него в процессе жизни и влияющих на его отношение к конкретным возникающим ситуациям. Содержание такого комплекса включает в себя представления о желаемой цели, о способе ее достижения, о критериях оценок возможных результатов и многое другое. А поскольку поведение каждого отдельного индивида существенно определяется тем, как он включается в структуру общего действия, постольку одной из важнейших задач, с которыми связано современное познание, становится изучение того, как субъективные комплексы организуются в программы коллективных действий. Важность этих задач определяется и тем, что настоящим объектом познания давно уже оказывается не противостоящая человеку «объективная природная реальность», а различные формы взаимодействия людей в процессе преобразования этой реальности. Как отмечает В. А. Лекторский, сегодня человек начал воспринимать себя как часть мира, который он же и создает (см. Лекторский 2017).

Это способствует осознанию того, что эффективность человеческого творчества зависит не только от системы рациональных правил, но и от совпадения эмоциональных переживаний, обеспечивающих взаимопонимание совместно действующих людей. И то, что такие переживания сегодня возникают не только при восприятии природных явлений, но и в связи с отсылками к конструктивной деятельности человека, свидетельствует о формировании нового эстетического отношения к миру, в котором рациональные и эмоциональные компоненты определяют друг друга все более явным образом.

Литература

Бор 1971 — Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971. С. 286–287.

- Грифцова 2017 — *Грифцова И. Н.* Коммуникация в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 3–33.
- Лекторский 2017 — *Лекторский В. А.* Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 5–23.
- Менский 2015 — *Менский М. Б.* Интуиция и квантовый подход к теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 48–57.
- Микешина 2016 — *Микешина Л.* Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.
- Полани 1985 — *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Пржиленский 2011 — *Пржиленский В. И.* Дотеоретические искусства, социальные практики и «идеальные» типы философствования // Философские науки. 2011. № 11. С. 18–30.
- Пшибышевский 1909 — *Пшибышевский С.* К психологии индивида // Полное собр. соч. Т. V. М., 1909.
- Серль 2004 — *Серль Дж. Р.* Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Сидоренко 2002 — *Сидоренко Е. А.* Логика. Парадоксы. Возможные миры. М.: URSS, 2002.
- Смит 2008 — *Смит В.* Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2008.
- Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
- Хвостова, Финн 1997 — *Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете междисциплинарных исследований. М.: РГГУ, 1997.
- Хинтиikka 1980 — *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.
- Шлик 1993 — *Шлик М.* О фундаменте познания // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: МГУ, 1993.